

Констатация этих аналогий, слишком многочисленных для того, чтобы можно было счесть их случайными, заставляет задуматься над существованием связи, с одной стороны, между переживанием траура и конструированием демократической идентичности и, с другой — между меланхолическим отношением к прошлому и ростом авторитарных идеологий, прежде всего национализма. Связаны ли между собой различные формы памяти (траур, меланхолия) и системы ценностей, лежащие в основе той или иной мемориальной конструкции? И если связаны, то как? Можно предположить (это не более чем рабочая гипотеза), что связь эта заключается в следующем. В той мере, в какой переживание траура требует от человека воспринять прошлое как общее наследие, за которое наравне с другими несет ответственность он сам, этот волевой акт делает его деятельным субъектом политической жизни, активно участвующим в движении за перемены, необходимые, чтобы не дать прошлому повториться. Именно это, как мне кажется, связывает переживание траура и демократические ценности. Напротив, меланхолическое отношение к прошлому, своего рода пассивное созерцание случившейся катастрофы, лишает человека чувства ответственности, он видит себя исключительно жертвой и вместо того, чтобы взять на себя ответственность за прошлое, ностальгически сожалеет о том, что было "прежде". Воспринимая прошлое лишь как результат действия неведомых, высших сил, человек не становится активным участником политической жизни. Напротив, он ищет покровительства сильной руки и авторитарной власти, составляющих основу любого национализма.

Перевод с французского В.М.

Виктория СЕМЕНОВА

Жизненный путь и социальное самочувствие в когорте 30-летних: от эйфории к разочарованию

Исследование процесса социальных изменений в обществе во временной перспективе обычно сосредоточено на исследовании "крайних" возрастных групп, представляющих условное "прошлое" и условное "будущее" данного общества. Интерес к "средним" возрастам сводится к выяснению прежде всего их места и роли в системе производственных отношений данного общества, при этом так называемые "средние" возраста обычно не подвергаются внутренней, более дробной возрастной дифференциации.

В современной России проблема более подробной возрастной стратификации общества становится объектом особого исследовательского интереса, поскольку каждая из когорт, входящая в так называемый "средний возраст", имеет свои социально-исторические особенности, особую конфигурацию "прошлого" — "настоящего" в их жизненном мире. Люди "среднего возраста" по-разному дислоцируют себя в современном социальном пространстве, особенно относительно процесса социальных перемен и экономических преобразований*. Вследствие этого есть основание

* Во всероссийском исследовании, проведенном в августе 2001 г., на вопрос: "Кого Вы относите к людям своего поколения" большинство опрошенных выбрали десятилетний период в определении возраста людей своего поколения: 30-, 40-, 50-летние и тд.

полагать, что такие отдельные возрастные когорты в рамках среднего возраста имеют также свое специфическое "ядро" поколенческого сознания, формируют свои ценностно-ориентированные союзы (поколения — К.Манхейм, 1952*) и сильно отличаются от других когорт в рамках того же среднего возраста (например, 30-, 40- и 50-летние).

Вместе с тем идентичность с определенным поколением остается одной из наиболее значимых социальных идентичностей в нашем обществе**. В общественном мнении существенно различаются, например, поколенческие союзы 40-летних, пришедших к власти вместе с В.Путиным, или "новое поколение" молодых прагматиков в сфере экономики, пришедшее вместе с В.Немцовым и С.Кириенко в середине 90-х годов. Вследствие этого можно предположить, что, несмотря на существенную внутреннюю социальную дифференциацию внутри каждой из возрастных групп, поколенческая дифференциация в России остается одним из важных факторов социальной дифференциации.

В связи с этим отдельный интерес представляет рассмотрение некоторых возрастных групп как самостоятельных поколенческих союзов на основе социально-исторического описания их жизненного пути и опыта, полученного в результате этого. Такой анализ позволяет прогнозировать коллективное поведение и самочувствие когорты, ее участие в социальной жизни в ближайшем будущем.

Поколенческий подход — адекватный инструмент для понимания общества с точки зрения временной перспективы. Существуют два основных подхода для анализа поколений. Один концентрируется на межпоколенческом подходе как сравнительном анализе разных поколений — что происходит в обществе с хронологическим процессом смены поколений, и другой подход (внутри-генерационный) — что происходит с одним поколением во временной перспективе, как проявляется на поколении "эффект времени".

Последний подход развивается в основном в рамках концепции "жизненного пути" (Г.Элдер, Дж.Гиель, 1998***), где он рассматривается как процесс движения сквозь возрастно-дифференцированное пространство жизни. Характер движения по этому пути (прохождение жизни) является эффектом влияния двух составляющих временных изменений: социально-исторических изменений (социальное время) и временных изменений жизненного цикла (субъективное время поколенческой когорты). В результате вырабатываются общие нормативы (паттерны) такого прохождения. В процессе прохождения жизненных стадий и поворотных моментов формируется жизненный опыт как субъективный компонент коллективного переживания по поводу своей предыдущей жизни. Основной вопрос при этом: каков результат их взаимного влияния на изменение социальных позиций и ценностей поколения на протяжении всего периода его жизни?

В теоретическом плане здесь существуют две основные гипотезы. Первая состоит в том, что "прошлое" как опыт социализации в условиях определенной исторической локализации играет первостепенную роль в формировании теперешнего (и будущего) облика поколения. Именно этот опыт формативного периода (до 17-25 лет), согласно

* Mannheim K. The Problem of Generations // Essays on the Sociology of Knowledge. L.: Routledge and Kegan Paul LTD, 1952.

В том же исследовании от 63 до 77% людей разных возрастных групп указали, что они часто или почти всегда ощущают себя "людьми своего поколения".

*** Methods of Life Course Research. Qualitative and Quantitative Approaches / Ed. J.Giele, G.Elder. L.: Sage Publications, 1998.

К.Манхейму, в первую очередь предопределяет всю дальнейшую судьбу поколения.

. Другая гипотеза формулируется в терминах концепции "жизненного пути". Она состоит в том, что облик поколения зависит от опыта первичной социализации, но продолжает формироваться и иногда качественно видоизменяться на более поздних стадиях, поскольку видоизменяется коллективный социальный опыт генерации.

В российском контексте эти теоретические рассуждения имеют реальный социальный смысл как проблема конфликта "прошлой" и "теперешней" системы ценностей и его воздействия на жизненную судьбу нескольких живущих поколений российского общества, включая старшие (советские поколения), средние (поколения разлома) и юные когорты (поколения перестройки). Каково пересечение старого и нового опыта в жизненном пути каждого из поколений?

В дальнейшем в рамках этой статьи мы попытаемся расшифровать эмпирически эту проблему на примере коллективного опыта и ценностного сознания только одной когорты — тех, кому сейчас 30–39 лет*.

Эта возрастная когорта была выбрана как объект анализа коллективного опыта и субъективного отношения к этому опыту по нескольким причинам. Во-первых, по своему социальному положению она в настоящее время является наиболее социально успешной. Согласно статистическим и социологическим данным, те, кому 30–35 лет, имеют самые высокие доходы и уровень жизни среди всех возрастных групп". Они лучше других адаптировались к происходящим экономическим и социальным реформам. Во-вторых, в настоящее время в силу возрастного цикла когорта уже имеет стабильные позиции на рынке труда, активно участвует в общественном производстве и имеет стабильный семейный статус. Более того, со временем именно ее представители должны войти в систему власти в качестве лидеров производственной сферы и политики, прийти на смену теперешней политической и бизнес-элите. Известно, что средний возраст тех, кто вошел во власть в команде В.Путина составляет 40–50 лет. Следовательно, именно представители этой когорты могут сменить их во властной пирамиде через несколько лет. Возможно, именно они будут определять политический климат российского общества через одно-два десятилетия. Каковы могут быть социальные ожидания, связанные с приходом этой когорты? Можно ли считать, что вхождение этой возрастной когорты "во власть" приведет к существенным социальным и культурным переменам, что когорта, вступившая в социальную жизнь в момент резких социальных перемен, обладает единым социальным своеобразием (представляет собой поколенческий союз) и способна привнести поколенческие изменения в социальную жизнь?

В демографическом плане "когорта 30-летних" — это социальная группа тех, кто родился в 60-х годах (точнее, в 1962–1971 гг.) и кто сейчас находится на жизненной стадии "молодых взрослых" или "молодых родителей с детьми".

* В статье различаются понятия "когорты" и "поколение". Первое — демографическое определение конкретной возрастной группы, четко локализованной по возрасту и году рождения. Второе понятие употребляется скорее в понимании К.Манхейма для определения культурной и социально-исторической специфики данной возрастной группы и не имеет достаточно четких демографических границ.

** Статистические и социологические данные ежегодного Доклада "Программа развития" ООН (ПРООН). Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации, 2001. Ежегодный Доклад по Российской Федерации / Под ред. С.Н.Бобылева, В.В.Семеновича, М.Л.Аграновича и др. М.: UNDP, 2001.

Итак, во всех отношениях эта когорта достаточно значима на социальной сцене и, более того, будет представлять "лицо нации" в ближайшие десятилетия. Каков же коллективный социальный опыт этих людей относительно конфликта "прошлое—настоящее"? Что является приоритетами в их каждодневном жизненном опыте и коллективном сознании: ностальгия по прошлому или ориентация на будущий социальный успех? Что составляет основу их жизненных стратегий: выживание или креативность, адаптация или отторжение? Что произошло с их ценностями и опытом за последнее десятилетие социальных перемен?

Для рассмотрения этих аспектов первоначально необходимо выстроить их коллективную биографию в социально-историческом контексте и контексте биографических изменений, сконцентрироваться на субъективном опыте когорты на пути от детства к теперешнему состоянию.

В данном случае постановка проблемы методологически ориентирована на описание общего, сходного в коллективной судьбе поколения, поэтому в основном не содержит данных о внутренней дифференциации когорты. Это было вызвано и методическими причинами, поскольку исходные данные давали возможность провести сравнительный анализ прежде всего по критерию возраста — выявить специфику когорты на фоне других когорты. К тому же небольшой объем выборки (каждая возрастная группа составляла не более 300–400 человек) не позволял провести более дробную группировку внутри когорты.

Методологически я буду опираться на данные разных массовых социологических исследований этой когорты, но прежде всего на данные всероссийского мониторинга ВЦИОМ (август 2001 г., N=1600 человек), содержащего блок вопросов по поколенческой проблематике, и в первую очередь использовать ответы на два открытых вопроса:

«Людей какого возраста Вы называете "людьми своего поколения?» В ответе было предложено свободно назвать верхнюю и нижнюю границы возрастной группы (например, "от ... лет" и "до ... лет"). Ответы на этот вопрос позволили сконструировать символические границы поколения в том виде, в каком они воспринимаются людьми, переживающими чувство принадлежности к этой возрастной группе;

"Как коротко Вы могли бы охарактеризовать людей своего поколения?" Ответы на этот вопрос рассматривались как первая импульсивная рефлексия по поводу людей своего поколения. Полученные в форме высказываний и коротких характеристик 230 ответов, впоследствии рассматривались как коллективно написанный неструктурированный текст, который представляет собой образец коллективной саморефлексии поколения относительно своего опыта. Они анализировались по разным направлениям в технике качественного анализа текста.

Кроме того, в статье используются материалы глубоких биографических интервью с представителями этого поколения, проведенные в течение 1990-х годов.

Демографическая группа тех, кто представляет когорту 30–39-летних во всероссийском исследовании 2001 г. (N=283 человека), в ответах на первый вопрос в большинстве своем (72%) ассоциировала себя с теми, кто находится на возрастном отрезке от 30 до 42 лет. Это означает, что они ощущают специфику своего жизненного опыта по сравнению с теми, кто младше (например, 20–29-летние), и с теми, кто старше (следующие за ними средние возрасты 40- и 50-летних). К тому же большая часть этой возрастной группы глубоко ощущает свою связь с этой возрастной категорией — 76% ответили, что они "часто" или "почти всегда" ощущают свою принадлежность к поколению. Это подтверждает вывод В.Ядова о том, что поколенческие идентичности остаются одними из самых значи-

мых в современной России. Отсюда можно предположить, что они соотносят себя со специфическим "поколенческим союзом", который обладает особой исторической локализацией, объединен своеобразием жизненного опыта и спецификой сознания.

Коллективная биография когорты 30-летних в социально-историческом контексте характеризуется тем, что ее прошлый опыт был расколот на два периода. Первый этап социализации — бесконфликтное, спокойное детство, которое проходило в 70-е годы в условиях позднего стагнационного периода советской истории. Они росли в брежневскую эпоху, во время относительного материального благосостояния по сравнению, например, со своими родителями. Это было время относительного социального равенства и социальной иммобильности. Школьные годы были отмечены только реформой профессионального образования. Для их опыта это означало, что система среднего образования скорее ориентировала их на массовые профессии и практические навыки, чем на получение высшего образования. Подростковый период характеризовался общим нарастанием коммерциализации общества и глухой приватной критикой общественного устройства на кухнях (1974-1985 гг.). Это было в преддверии перестройки и социальных реформ.

Таким образом, когорта 30-летних (или ее называют когортой "молодежи периода перестройки") формировалась во времена позднего застоя и, естественно, в условиях информационной блокады. В массовых опросах того периода культурная матрица когорты, ее тогдашние планы и ожидания в целом соответствовали культурной модели советского типа. Ядро этой когорты составляла потомственная советская интеллигенция, ориентированная, как и родители, преимущественно на "нематериалистические" (Р.Инглхардт) ценности общества относительного достатка. Еще в конце 80-х годов эта возрастная группа, согласно всем социологическим опросам, подтверждала свою приверженность социалистическим ценностям, была в массе своей убеждена в преимуществах социализма^{1*}.

Сейчас в коллективной саморефлексии того периода из своего детства это время вспоминается как часть общего опыта, что подтверждается следующими высказываниями самих 30-летних: "Мы дети своих родителей"; "мы те, кто был счастлив только в детстве"; "мы люди, прошедшие советское воспитание"; "мы те, кто вышел из советской системы"; "мы жили в более счастливые времена" (ВЦИОМ, 2001).

Момент окончания школы пришелся на исторический период, который разорвал их жизненный путь на периоды "до" и "после" (1985-1990). Бурное время ломки всех предшествующих представлений и образа жизни, время перемен и низложения всех прошлых авторитетов, включая авторитет родительского поколения. Поздняя социализация когорты совпадает с периодом активной идеологической критики их ранних юношеских идеалов.

Это было время больших ожиданий, связанных с молодежью и ее возможностями изменить общество. В обществе существовало мнение, что, вероятно, именно она станет движущей силой перестройки. Они даже были названы в публицистике "детьми Горбачева" и должны были стать, согласно надеждам, "новым поколением", активным механизмом перестройки. Однако это не нашло подтверждения в реальности.

Теперь субъективное восприятие раскола своего социального времени отражено в следующих словесных конструкциях представителей когорты: "Мы — люди, способные сравнивать разные времена"; "мы побывали при со-

циализме и капитализме; мы — люди переходного времени от застоя к перестройке"; "брежневское поколение"; "дети перестройки"; "поколение 70-х".

В начале 90-х годов когорта в целом уже закончила образовательный путь и вступила на путь профессиональной занятости (85% работали)^{1*}. 42% представителей когорты имеют в настоящее время среднетехническое образование и еще 33% — общее среднее образование. Среди 30-летних более низкая доля людей с высшим образованием (12%), по сравнению с более старшими (50-59 лет — 18%) и более младшими (18-29 лет — 22%)^{2*}.

Причина лежит в специфике момента вхождения на рынок труда. Они вышли на социальную сцену в период, когда, с одной стороны, открылись широкие возможности для заработка "быстрых денег" и, с другой — не было потребности в профессиональных знаниях, а следовательно, необходимости их получать. К тому же старый образовательный потенциал не был для этого приспособлен. Поэтому молодые непосредственно вышли на рынок труда, минуя стадию высшего образования. В 1991-1993 гг. конкурсы в вузы резко упали^{3*}. Это не означает, что большая масса ринулась в предпринимательскую деятельность, став частными предпринимателями. Только мизерная часть когорты, используя свой личный потенциал, стала предпринимателями (3-6% когорты по разным регионам, по данным 1992 г.)^{4*}. Большая часть продолжала работать в государственной сфере, но имела дополнительную работу (20%), другие занимались разными видами мелкой торговли и незарегистрированным бизнесом. 10-12% женщин выбрали роль домашних хозяек.

В целом это было первое поколение в советской истории, которое в начале трудового пути столкнулось с резкими изменениями на рынке труда и было вынуждено выбирать чью-то адаптивные жизненные стратегии: они не имели соответствующей образовательной подготовки, на старте трудового пути столкнулись с безработицей (8% когорты)^{5*}. Тем не менее в субъективных оценках тогда именно они (20-29-летние) были самыми большими приверженцами рыночных и социальных реформ^{6*}, их даже называли "романтиками реформ".

В начале 90-х годов (1992-1994 гг.), в момент становления рыночных отношений, в рамках данной когорты на основании критерия мобильности—стабильности были выявлены четыре качественно различных типа адаптивных стратегий на рынке труда: *креативный тип* — переход с государственного предприятия на частное в качестве нанимателя; *традиционный тип* — уход с государственного предприятия в домохозяйки (женская стратегия); *конфликтный* (балансирующий) *тип* — работа на государственном предприятии, совмещаемая с дополнительной работой, иногда на частной фирме; *возвратный тип* — переход с государственного предприятия на частное с возвращением в государственную сферу^{7*}.

Тогда же был сделан вывод о том, что в недрах этой когорты формировались новые *немассовые* паттерны социального поведения и модели социального успеха, не

1* Титма М., Коклягина Л.А. Указ. соч.

2* Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации, 2001...

3* Там же.

4* Титма М., Коклягина Л.А. Указ. соч.

5* Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации, 2001...

6* Хахулина Л.А. Динамика отношения к рыночной экономике (Анализ молодежных когорт начала и конца 90-х годов) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2001. № 1. С. 30-38.

7* Семенова В.В. Стратегии адаптации молодых профессионалов // Market Society East and West. 1998.

1* Титма М., Коклягина Л.А. Жизненные пути поколения со средним образованием / Ред. В.В.Семенова. М.: Наука, 1994. С. 79.

знакомые советскому типу. Такие модели жизненного успеха связаны прежде всего с **индивидуальной способностью использовать новые возможности**, предоставляемое обществом в определенное социально-историческое время.

К креативному типу адаптивного поведения были отнесены те, кто в начале 90-х годов первым использовал открывшиеся социальные возможности и переменял позицию на рынке труда, перейдя из государственной сферы в частную. В мотивационной системе людей этого типа — тогдашних 20-летних — преобладали стремления к мобильности (многократные попытки найти новую сферу предпринимательской деятельности, ориентация на новые коммерческие и профессиональные идеи, поиск свободы самовыражения и независимости).

Возможно, их отличие от тогдашних предпринимателей, более старших по возрасту, состояло в том, что ориентация на риск, характерная для сферы частного бизнеса в целом, в данном случае совпадала с их ориентацией на поиск и авантюру, свойственные молодости, их жизненному циклу. Этому типу было присуще тогда скорее желание реализовать собственные идеи (причем не всегда коммерческого толка). В возникновении частных предприятий они нашли возможность уйти от регламентированного контроля со стороны государства и испытывали некую эйфорию свободы, связывая ее с частнопредпринимательской деятельностью. Это состояние "романтиков" оказалось временным: ожесточающаяся конкуренция, система налогообложения и изменяющиеся социальные обстоятельства привели многих к краху их первоначальных предприятий, а их самих — к состоянию жестких прагматиков.

Собранные в 1992-1995 гг. жизненные истории молодых предпринимателей позволили предположить, что установка на использование открывшихся социальных возможностей не была массовым явлением среди теперешних 30-летних. Она была предопределена задолго до вступления в сферу предпринимательства всей предшествующей системой социализации как индивидуальная особенность респондентов в результате нетипичной воспитательной стратегии родителей (их воспитательной установки на нонконформизм и независимость своих детей).

Люди этого типа начинали свою предпринимательскую деятельность не имея собственного финансового капитала, но обладая творческой идеей и занимаясь поиском союзников. В ситуации краха они начинали предпринимательскую деятельность в иной сфере, но не возвращались в государственные структуры. В своих оценках они критиковали традиционно советский тип производственной этики и отдавали предпочтение индивидуальному успеху и автономности.

Опираясь на мозаику их индивидуальных путей из государственных структур в частные, можно с очевидностью выделить общее: это был закономерный процесс "выталкивания" из государственных структур элементов, чуждых этой системе. Их личные судьбы были направлены на отвержение норм и ценностей командной системы.

За последующее десятилетие когорта в целом постепенно встраивалась и в основном успешно адаптировалась к рыночным отношениям, в настоящее время 30-летние занимают наиболее выгодные трудовые позиции. Это связано с тремя факторами: открывшиеся возможности на рынке труда, быстрый и рискованный выход на рынок без опасения за падение своего статуса и открывшиеся возможности быстрых дополнительных заработков. В результате в настоящее время когорта 30-летних является наиболее успешной из всех других возрастных групп по социальным позициям на рынке труда, уровню доходов и

уровню удовлетворенности теперешним своим социальным положением*.

Данная генерация ориентирована на поддержание высокого уровня материального благосостояния, впервые достигнутого их родителями. Вместе с тем прагматические ориентации в области профессиональной деятельности — "ориентация на интенсивный труд и на материальный достаток", на "открытие собственного дела" — в этой когорте выбирают существенно реже, чем в более молодых возрастных группах**.

Как отмечает Л.А.Хахулина, когорта за прошедшее десятилетие наиболее заметно повернула в сторону возврата к ценностям прошлого. По мнению Л.А.Хахулиной, описывавшей общие изменения в отношении молодежных когорт к рыночным реформам за десятилетие (с 1991 по 2000 г.), у старших групп молодежи (по данным Л.Хахулиной, это теперешние 25-35-летние) в начале десятилетия были несколько завышенные ожидания от возможностей экономической реформы. В конце десятилетия (исследование 2000 г.) они приблизились к средним по массиву (стали более традиционалистскими), тогда как самая молодая группа (в данных Л.Хахулиной, молодежь до 24 лет) продемонстрировала наиболее реалистичное отношение к рыночным реформам***.

Таким образом, несмотря на достигнутый материальный успех, в результате десятилетия когорта из приверженцев и романтиков реформ превратилась в их критиков. Хотя, естественно, за это время произошел и общесоциальный сдвиг в отношении к реформам, но данная когорта продемонстрировала наиболее существенное изменение, перейдя от позиции "крайнего энтузиазма" к "средней" по сравнению со среднестатистической.

Для того чтобы более глубоко проанализировать этот феномен, вернемся к их саморефлексии относительно своего поколения и попытаемся систематизировать их высказывания, рассматривая их в совокупности, как своего рода неструктурированный коллективный метатекст. При этом в отборе высказываний мы руководствовались не частотой их повторения, но отбором тех высказываний, которые привносили новый нюанс или придавали иную окраску уже высканной характеристике, что позволило представить весь спектр или диапазон мнений людей относительно своего поколения. Для структурирования этого метатекста в соответствии с методикой качественного анализа были использованы следующие критерии текстового анализа:

1. Использование языка определенного политического дискурса — слова и высказывания, относящиеся к разным политическим системам (советский тип, язык перестройки, язык рыночных отношений).

2. Эмоциональная окраска языка — слова и высказывания, выражающие эмоциональный настрой (пессимизм или оптимизм).

3. Временная перспектива — лингвистические формы, демонстрирующие восприятие поколения в определенной системе временных координат (прошлое, настоящее и будущее).

4. Качества поколения — использование примеров, демонстрирующих достижения или исторические заслуги поколения (преимущества и недостатки, достижения и поражения, уникальные черты, отличающие его от других поколений по типу "мы — это те, кто смог...").

5. Дислокация поколения в социальном пространстве — упоминание достижений поколения в разных сферах социальной жизни (частная—публичная).

* Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации, 2001...

** Семенова В.В. Указ. соч. С. 12.

*** Хахулина Л.А. Динамика отношения к рыночной экономике... С. 30-38.

Схематическое описание коллективного самочувствия 30-летних, основанное на их собственных высказываниях

1. Язык политического дискурса

СОВЕТСКИЙ ТИП — застой, Брежнев, коммунистический тип духовного развития, социализм, коммунисты, атеисты, советское воспитание.

ПЕРЕСТРОЙКА — дети перестройки, перестройка.

РЫНОЧНЫЙ ТИП — бизнесмены, капитализм, демократическое поколение.

2. Эмоциональный настрой

ОПТИМИЗМ — стабильное, уверенные в себе, сами ищут свою судьбу, активные, решительные люди.

ПЕССИМИЗМ — нервные, чужие в собственной стране, несчастливые, одинокие, разочарованные, жертвы, страдающие, брошенные на произвол судьбы.

3. Временная перспектива

ПРОШЛОЕ — дети своих родителей, мы *были* счастливы только в детстве, мы *жили* в более счастливое время, мы *были* счастливее тогда, поколение застоя, люди советской системы, поколение 70-х, поколение Брежнева.

НАСТОЯЩЕЕ — пытающиеся выжить, смогли приспособиться.

БУДУЩЕЕ — *новое* поколение, люди **нового** мышления и образа жизни, люди **нового** времени.

4. Качества поколения

ЗАСЛУГИ, ДОСТИЖЕНИЯ — талантливые, рассчитывающие на себя, ориентированные на личные достижения.

ПОРАЖЕНИЯ — средние, обычные, не имеют никаких достижений, мы такие же, как все, очень обычные, средненькие, люди без запросов, очень серенькие, как мышки.

5. Дислокация в социальном пространстве

РАБОТА — труженики, работоголики, безработные, работники, хорошо организованные, работяги.

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ — пьяницы, алкоголики.

ЛИЧНЫЕ КАЧЕСТВА — честные, сознательные, ответственные, добрые люди, совестливые, на которых можно положиться, люди, которым можно доверять.

СОЦИАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ — патриоты, любим свою страну и хотим ее улучшить.

1. На фоне общего самочувствия поколения, очевидно, просматривается их временное "оглядывание" на прошлое. Это видно по употреблению политического дискурса, где поколение ассоциируется в основном с советским временем (к тому же названа только одна политическая фигура, ассоциируемая с поколением, — Брежнев). Это также проявляется через грамматическое употребление прошлого времени (мы те, кто были...) и в ориентации на более "счастливые времена" и преемственность "с родителями". Будущее упоминается только в самом общем виде "как *новое* время" и "капитализм", без эмоционального раскрытия, как эмоционально-нейтральное, что весьма странно для когорты, находящейся на стадии активного вхождения в социальную жизнь и имеющей длительную жизненную перспективу.

2. Эмоционально поколение ощущает себя скорее нестабильным и страдающим, чем стабильным и активным. Спектр характеристик, связанный со страданием, почти так же широк, как и набор достигательных характеристик. По-видимому, это связано с объективными достижениями или потерями отдельных представителей когорты. Хотя если сравнить их по этому критерию с другими (более старшими когортами), то здесь ощущение стабильности выражено более явно, что является следствием их общей адаптированности и социального успеха по сравнению с другими группами. Тем не менее "разочарование" выделяется как основное эмоциональное состояние, поскольку упоминалось достаточно часто разными

респондентами в разных контекстах и выражениях. Чувство разочарования и неудовлетворенности собой у когорты проявляется в отсутствии упоминаний значимых социальных достижений, событий, участниками которых они были (по типу "мы были те, которые смогли..." , что, например, характерно для людей, прошедших войну или стройки социализма, коллективизацию). Это может рассматриваться как одна из причин их ориентации на прошлое и как время принадлежности к "более счастливым временам".

3. Судя по высказываниям, когорта считает себя весьма ординарной, без запросов, "серенькой". Основные формы ежедневной активности — "выживание" и "приспособление". Однако "индивидуальные достижения", "талант" также употребляются в качестве характеристик, как и упоминание о наличии индивидуального потенциала, пока не нашедшего применения. Эти упоминания о собственном потенциале не характерны для более старших возрастных групп, где упор делается на коллективные достижения.

4. Работа и частная жизнь фигурируют в качестве основных сфер активности когорты. Однако высказывания относительно трудовой сферы не содержат характеристик, свойственных рыночным трудовым отношениям (упоминание индивидуальных трудовых достижений или экономического успеха), а скорее представляют собой характеристики, относящиеся к индустриальному типу советской трудовой этики ("работоголики", "труженики", "работяги"). Наибольшую гордость у представителей поколения вызывают личные качества, проявляемые в сфере межличностной коммуникации и каждодневной жизни, — спектр употребляемых по этому поводу характеристик предельно широк.

Таким образом, когорта 30-летних, будучи в фазе активной социальной жизни и наиболее успешной в социальном плане, в массе своей демонстрирует не приверженность инновационным или креативным формам социального поведения, а скорее склонность к традиционному советскому типу культурной модели. Это означает, что, конструируя стратегии своего дальнейшего жизненного пути и выбирая между ориентациями на прошлое, настоящее и будущее, 30-летние больше оглядываются назад, чем смотрят в будущее. Более того, на отрезке жизненного пути от молодости к молодым взрослым — в течение последнего десятилетия — они даже укрепились в своей ориентации на прошлое, на традиционную модель, которая доминировала в годы их детского опыта (хотя, по сравнению с более старшими возрастными группами, рефлексия по поводу своей нынешней социальной активности у них выражается более явно). Общее изменение в массовом настроении когорты за десятилетие можно обозначить как разочарование и неудовлетворенность. На основе данных Л.А.Хахулиной, можно предположить, что это состояние соотносится прежде всего с их разочарованием в рыночных и социальных реформах.

Основные направления этого изменения в настроении от романтического представления к разочарованию могут быть более глубоко раскрыты на примере интервью с представителями так называемого креативного типа поведения, о котором говорилось выше, как наиболее продвинутой и инновационно ориентированной части когорты.

Коротко их мотивация прихода в частное предпринимательство и настроение в начале десятилетия могут быть проанализированы на основе одного интервью того времени.

"Я сразу понял, что для меня это шанс не просто заработать деньги, я об этом тогда как-то не думал, просто шанс стать свободным и независимым человеком... Я до боли не люблю начальников и чтобы мной командовали. Я, еще когда в институт поступал, знал, что в этой системе (государственной. — В.С.) работать

не смогу: или буду воровать, или буду что-то переделывать и получу по шапке. Я вырос на свободе, так воспитывался матерью, — у меня в крови любовь к свободе и неподчинение... Когда я начинал, то как-то не думал тогда о финансовом успехе. И даже не выиграл пока особо экономически. Я был просто счастлив. Я ног под собой от счастья не чувствую... Теперь все зависит только от меня, потому что все остальное — советскую власть, бардак в законах — я воспринимаю как объективную данность, некие условия игры. Что я выиграл в результате — так это независимость и возможность испытать себя, в этих условиях у меня есть поле деятельности, шанс: сделаю или не сделаю?.. (Леонид. Интервью № 16. 1992 г.).

Из этого интервью видно, что нематериалистические ценности семьи, переданные от родителей (ориентация на независимость, свободу, ответственность, самореализацию), стали мотивирующими при социальном выборе человека креативного типа. При появлении соответствующих социальных возможностей (*шанса*) эти ориентации актуализировались. Респондент не был ориентирован на трудовую этику рыночного типа (индивидуальные достижения, конкуренция или экономический успех). Он просто реализовал свои уже сложившиеся наклонности. Эйфория и романтика (*"я ног под собой от счастья не чувствую"*) были основными эмоциональными компонентами его выбора в момент прихода в бизнес. Именно поэтому такие люди оказались разочарованными в своем выборе позже.

В конце десятилетия настроение даже самых успешных людей креативного типа круто изменилось. Вот один из примеров самоощущения 30-летних в 2002 г.:

"Карьерыца которые на Западе жизнь кладут, здесь складывались за месяцы. И становились не средством для зарабатывания денег, не самоцелью. Скорее так, приложением к дружбе... Это только японцы по-прежнему удивляются, что у нас редакторам политических отделов и политобозревателям ведущих изданий около тридцати — у них в эту пору еще только начинают, пресмыкаясь, подносить портфель за младшим помощником старшего начальника, как, впрочем, было и у нас еще лет двенадцать назад... Но я чувствую, что наше время прошло очень быстро... Вместе со временем публичной политики ушло время свободного общения всех, кто с этой публичной политикой был связан... Что дальше — сложить руки и сетовать, что наше время так быстро протекло?.."

"Странное поколение, стремительно проскочившее все рассчитанные на многие десятилетия вехи, спрессованное в годы все, на что другим не хватает всей жизни, слишком рано стало подводить итоги..." (из монолога журналистки, принадлежащей к когорте 30-летних, 2002 г.).

Здесь также просматриваются эмоциональные и личностные компоненты тогдашнего состояния и "нематериалистический" характер мотивации прихода в новые структуры в начале 90-х годов (*"так, приложение к дружбе"*), и как следствие — разочарование. В этом отрывке разочарование связывается с убыстренным прохождением всех стадий жизненного пути: *стремительно проскочили вехи, время быстро протекло, поколение слишком рано стало подводить итоги*. Субъективная попытка расширить круг своего индивидуального восприятия, обобщить опыт всего поколения дает возможность рассмотреть за этим истоки произошедших изменений, как стремительный поток социального времени, так и убыстренный темп прохождения собственного субъективного времени поколения. Исходя из этого высказывания, именно стремитель-

ный поток времени стал основным истоком раннего разочарования и раннего подведения итогов. Однако в данном случае речь идет о социально успешной части поколения: быстрые карьеры, быстрые деньги, эмоционально спрессованная жизнь. Относится ли это к когорте в целом? Можно предположить, что да. Это общее чувство разочарования присутствует как в массовой саморефлексии, так и у лидеров поколения, принадлежащих к креативному типу. В случае массового опыта, как свидетельствуют наши данные, эта когорта уже завоевала хорошие позиции, имеет более высокие доходы по сравнению с более старшими возрастными и, более того, в своих жизненных временных перспективах ориентируется на прошлое, демонстрирует символическое возвращение к опыту детства (*"когда мы были более счастливы"*) и отсутствие перспективы на будущее.

Кроме того, за ними идет поколение 20-летних, обладающее иным поколенческим потенциалом. Они имеют иной социальный опыт детства в уже иных социальных условиях. Они лучше подготовлены в образовательном отношении и приспособлены к новому образу жизни. В ближайшие годы 20-летние выйдут на рынок труда и составят существенную конкуренцию 30-летним. Тогда время этих последних окажется действительно "стремительно проскочившим".

Владимир ЗВОНОВСКИЙ,

Светлана ЛУЦЕВА

Досуговые предпочтения молодежи

Характер перемен в сфере культуры. Экономические и социальные изменения в 90-е годы затронули практически все сферы жизни российского общества в целом и каждую из его социальных страт. До конца 1980-х годов государство однозначно предопределяло не только идеологию, но и репертуар всех учреждений художественного воспитания, театров, концертных организаций, музеев, клубов, регулировало их деятельность. Подобные ограничения накладывались даже на сферы специфически массовой культуры (дискотеки, магнитные записи и т.д.).

Начиная с 80-х годов государство стало постепенно отказываться от регулирующей роли в сфере культуры. В результате потребитель освободился от навязываемых ему государством культурных стандартов и стереотипов. Значительная часть культурного производства начала работать на удовлетворение разнообразных запросов как конечного потребителя, так и отдельных групп, занятых внутри самого этого производства (*"богема", "тусовки"* и т.п.). Это сформировало конкурентоспособную отрасль производства, ориентированную на потребителя, с одной стороны, и не требующую поддержки государства — с другой. Продукты этой отрасли исследователи чаще всего относят к массовой культуре. В то же время сохраняется другая часть культурного производства, нуждающаяся в систематической поддержке государства (музеи, театры, художественная самодеятельность и т.п.). За этой сферой культуры закрепилось название *"высокой"*.

В том же направлении трансформировалась и деятельность российских книгоиздательств. Согласно данным ВЦИОМ, книжный рынок второй половины 90-х годов на 75% состоял из беллетристики и учебной литературы, причем до 90% всего рынка художественной литературы